

Muzyukin, V. Ya. Subject matter jurisdiction of civil disputes with the participation of citizens : abstr. diss. ... candidate jur. sciences : 12.00.03 / V. Ya. Muzyukin ; Tomsk State Univ. named after V. V. Kuibyshev. — Tomsk, 1985. — 19 p.

14. *Сигаева, Т. А.* Споры, возникающие из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом: производство в хозяйственных судах I инстанции / Т. А. Сигаева. — Минск : Право и экономика, 2010. — 211 с.

Sigaeva, T. A. Disputes arising from contracts for the carriage of goods by rail: proceeding in economic courts of the first instance / T. A. Sigaeva. — Minsk : Law and Economics, 2010. — 211 p.

15. *Зарицкий, Д.* О регулировании подведомственности хозяйственных судов в проекте Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь / Д. Зарицкий // Вестн. Выш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. — 2003. — № 21. — С. 109–118.

Zaritsky, D. On the regulation of the subject matter jurisdiction of economic courts in the draft of the Economic Procedure Code of the Republic of Belarus / D. Zaritsky // Bull. of the Supreme Econ. Court of the Rep. of Belarus. — 2003. — № 21. — P. 109–118.

Статья поступила в редакцию 30.10.2021 г.

УДК 340.1

L. Stanishevskay
BSEU (Minsk)

LAW AND MORALITY: THE EVOLUTION OF VIEWS

The article gives a brief overview of historical approaches and views on the problem of the correlation of law and morality, the continuity of ideas about law and morality in different historical periods is traced.

Keywords: law; morality; morality; views; evolution.

Л. П. Станишевская
кандидат исторических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ПРАВО И МОРАЛЬ: ЭВОЛЮЦИЯ ВОЗЗРЕНИЙ

В статье дается краткий обзор исторических подходов и воззрений на проблему соотношения права и морали, прослеживается преемственность представлений о праве и морали в разные исторические периоды.

Ключевые слова: право; мораль; нравственность; взгляды; эволюция.

Право и мораль (нравственность), проблемы их взаимодействия находились в фокусе исследовательского интереса на протяжении различных исторических эпох. Обсуждение этих проблем носит перманентный характер, представляется одной из вечных и всегда актуальных тем, так как право и мораль являются ключевыми регуляторами поведения человека в обществе, основаниями общественного бытия, элементами нормативной системы, неизбежно взаимодействующими и дополняющими друг друга. В настоящее время вопрос о связи права с моралью все так же актуален (для удобства мораль и нравственность рассматриваются как синонимы, такое условное допущение позволяет сконцентрироваться на предложенной теме). Современная правовая наука озабочена поиском выбора путей своего дальнейшего развития, что приводит к необходимости теоретических знаний о праве и морали.

Уже во времена Античности лучшие умы человечества указывали на взаимосвязь и взаимозависимость права и нравственности. Так, Платон в споре с софистами, абсолю-

тизировавшими в законе эгоистический волевой момент, подчеркивает его объективный характер. В своей великой утопии он исходит из полного единства сфер морали и права. По Платону божественное право требует повиновения закону, более того, повиновение государственным законам само по себе является высочайшим моральным принципом. Сам же моральный закон независим от законов государства и позволяет выявить безнравственность или несправедливость его отдельных правовых актов.

Древние греки и римляне выводили государство и право из такого элемента нравственности, как справедливость. Именно справедливость Аристотель называет лучшей из всех добродетелей, стандартом, способным корректировать скованность законов. По его мнению, справедливость, понятая как законосообразность, и нравственная добродетель тождественны: справедливость есть та же добродетель, только взятая не сама по себе, а по отношению к другим. При этом добродетель выше и корректирует право в той части, в какой в нем имеются упущения из-за всеобщности формулировок [1, с. 168]. Согласно формуле древнеримского юриста Цельса право есть искусство добра и справедливости. По Ульпиану право предписывает жить честно, никому не причинять вред и отдавать каждому свое. Павел под правом понимает, во-первых, то, что всегда является справедливым и добрым (естественное право); во-вторых, то, что полезно всем или многим в каком-либо государстве (цивильное право). Согласно мнению римских юристов право рекомендует то, что одобрено обычаем — иначе говоря, нравственностью. Несомненно, в праве нашли отражение такие вечные моральные нормы, как не убей, не укради и др. Классическое римское определение права вошло сначала в «Дигесты» Юстиниана, затем в византийские законодательные сборники «Базилики» и «Прохирон», а также в словарь церковного права (составлен в 1335 г.) — «Алфавитную синтагму» Матфея Властаря.

Таким образом, представления античных мыслителей о праве и морали, о том, что сфера законного обладает моральностью, открывают первый этап длительной эволюции воззрений на данный вопрос.

Нравственное начало права весьма мощно выражено в мировых религиях, и прежде всего в христианстве. В период Средневековья толкование соотношения права и морали приобретает религиозный характер. Правовые нормы воспринимаются как оформление нравственных норм, а в случае, когда первая противоречит второй, она не приобретает правового характера, а значит, и не имеет юридической силы. В то же время в христианской мысли, прежде всего в творчестве Августина Аврелия, делается попытка разграничить право и мораль. Религиозный моралист Августин, как и античные мыслители, именуется законами всю совокупность нравственных норм. Однако их источником называется не природа, а Бог. При этом он отличает моральные законы от законов природы. Регулятивные возможности закона ограничены. Нравственная же жизнь не может ограничиваться им. Если гражданские законы регулируют внешние действия, то моральные, основанные на любви к Богу, направлены к достижению высшей цели. Поскольку по Августину божественный закон определяет не только отношения человека с Богом, но и с человеком, то его можно уже трактовать и как социальный закон. Заповедь «не делай другому того, чего себе не желаешь» составляет лишь часть божественного закона и суть закона гражданского.

Для Фомы Аквинского позитивный закон представляет собой конкретизацию естественного закона, который произведен от вечного, божественного закона. Право он рассматривает как сферу правды и справедливости.

Знаменитые мыслители Нового времени в своих трудах обращаются к нравственным началам права. Так, Ф. Бэкон неотъемлемым качеством позитивного права называет всеобщую справедливость, а хороший закон — справедливым законом, рождающим добродетель в гражданах [2, с. 92].

Г. Гроций различает право как синоним справедливости и право как нравственное качество, присущее личности (возможность владеть чем-либо, действовать так или ина-

че). Объявляя справедливость неотъемлемым признаком права, Г. Гроций утверждает: «Противоречит справедливости то, что противно природе существ, обладающих разумом» [3, с. 408–409]. По мнению Б. Спинозы, моральный закон должен составлять основу правовой концепции. Он полагает, что моральные принципы базируются на разуме, тогда как аморальные выводятся из индивидуализма и эгоизма. Поскольку индивидуализм и эгоизм — это естественные свойства человека, необходима внешняя сила в виде юридических законов, обеспечивающая соблюдение моральных норм и защищающая в конечном счете государство. Так как свобода по Б. Спинозе — это познанная необходимость, именно в разумности он усматривает будущее как морали, так и права. В частности, в рационализации морали мыслитель видит способ перехода норм морали в правовые нормы [4, с. 56].

Таким образом, в Новое время развитие научной мысли соприкоснулось с проблемами личности, а естественное право стало рассматриваться как более глубокое (по отношению к позитивному праву), поскольку оно основывалось на естественном порядке вещей в обществе и являлось порождением его духовной деятельности.

Нравственным началам права уделено значительное внимание в правовых концепциях таких известных мыслителей, как Х. Томазий, И. Кант, И. Фихте, Г. Гегель и др.

Х. Томазий (представитель раннего Просвещения) выводит общее требование: «стремись вести себя так, чтобы ты мог устанавливать общий порядок человеческого рода» (прообраз категорического императива Канта). По Х. Томазию право включает в себя правила отрицательного характера (не делай другим того, чего не желаешь себе). Нравственность же, напротив, охватывает ряд обязательных положительных правил (делай себе то, что желаешь, чтобы и другие себе делали). Если нравственные правила возможны только в форме совета, то юридические предписывают людям их соблюдение под страхом санкции.

И. Кант и И. Фихте четко разграничивают право и нравственность, рассматривая их в качестве правил внешней и внутренней жизни людей, придав тем самым праву чисто формальный характер. Так, И. Кант, отдавая дань родовому единству морали и права (оба имеют в своей основе практический закон свободы), разграничивает их исходя из того, что право регулирует формальную, «внешнюю» сторону свободного выбора человека, а мораль определяет его содержательную, «внутреннюю» сторону. Кроме того, они отличаются между собой способом обязывания. Категорический императив Канта напрямую затрагивает проблему соотношения права и нравственности: «Действуй так, чтобы максимы (правила), которыми руководствуется твоя воля, могли бы стать принципом всеобщего законодательства» [5, с. 179]. Именно он выступает «всеобщим критерием права», т.е. свойством, которым должна обладать каждая юридическая норма. Категорический императив И. Канта, получивший признание в цивилизованных странах, представляет собой моральную основу права и предполагает его нравственное содержание.

Нравственное осмысление права и государства привело Ш. Монтескье к поискам «духа законов» как основы позитивного законодательства, как фундамента любого закона [6, с. 159]. Тот же «дух законов» нашел обобщенное воплощение в гегелевском абсолютном духе, в его утверждении, что «право есть нечто святое вообще уже потому, что оно есть наличное бытие абсолютного понятия, самосознательной свободы» [7, с. 90], а «государство есть действительность нравственной идеи» [7, с. 279]. Гегель высшую и конечную цель права видит в справедливости. Что касается воззрений Фихте, то они на протяжении его жизни кардинально менялись. Если первоначально он выводит право из нравственного закона, затем стремится развести право и нравственность как можно дальше друг от друга, то в конце своего творческого пути признает необходимость сближения права и нравственности.

Утверждение позитивистской теории права привело его сторонников к отказу от мысли, что право имеет обоснование в нравственности. В то же время, например, пред-

ставитель юридического позитивизма Г. Еллинек, для которого, впрочем, характерна, по мнению П. Новгородцева, эклектичность взглядов, предложил рассматривать право как часть нравственности, как этический минимум. Соблюдение его на определенной стадии общественного развития признается безусловным, необходимым. Следовательно, право есть только та часть нравственности, которая составляет необходимое условие данного общественного порядка. Труды Г. Еллинека, прежде всего «Общее учение о государстве», оказали заметное влияние на русскую дореволюционную мысль. Так, В. С. Соловьев, защищая теорию этического минимума Г. Еллинека, подчеркивает, что «право (то, что требуется юридическим законом) есть низший предел, или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный». Он признает, что между правом и нравственностью существует внутренняя связь; отмечает, что «право есть принудительное требование к реализации определенного минимального добра или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла». Несмотря на то что понятие о справедливости исторически видоизменяется, по мнению В. С. Соловьева, неизменным «...остается внутренняя обусловленность права нравственностью» [8, с. 557]. Значение Соловьева в становлении русской философско-правовой мысли огромно. Его творчество положило начало новому этапу в истории русской философии, вызвало к жизни плеяду оригинальных мыслителей, находивших в наследии Соловьева источник духовной силы [9, с. 171]. Так, друг и ученик В. С. Соловьева Е. Н. Трубецкой утверждает, что правовые предписания естественного права есть предписания нравственные и что позитивное право может требовать от людей повиновения не иначе как во имя нравственного права. Е. Н. Трубецкой сравнивает право и мораль с двумя пересекающимися окружностями, у которых, с одной стороны, имеется общая «сфера пересечения, в которой предписания их совпадают, и вместе с тем две отдельные области, в коих их требования частью не сходятся между собой, частью даже прямо противоречат друг другу» [10, с. 306]. По мнению Е. Н. Трубецкого, правовые институты должны служить нравственным целям, а право должно быть подчинено цели добра и только в ней может найти свое оправдание.

Видный российский ученый Б. Н. Чичерин, критикуя воззрения Соловьева, выступил против смешения права и нравственности, трактуя их как самостоятельные начала, хотя и имеющие общий корень — духовную природу человека. Разницу между правом и нравственностью он определяет как качественную разницу между законом правды (правомерностью) и законом любви. Закон правды требует воздавать каждому свое, тогда как закон любви предписывает человеку жертвовать собой во имя ближнего [11, с. 110].

Мыслитель видел опасность в сближении права и нравственности, поскольку это открывало бы дорогу нравственным аргументам в праве и принудительным мерам в нравственности. Концепция Б. Н. Чичерина повлияла на дальнейшее развитие русской правовой мысли.

Глава школы возрожденного естественного права в России П. И. Новгородцев исследовал право с позиции применения к нему нравственной оценки. По мнению П. И. Новгородцева, абсолютный нравственный идеал применительно к позитивному праву играет роль критерия и ориентира нравственного целеполагания и прогресса. Он отмечает, что эффективность действия права обуславливается тем, насколько оно проникает в сознание индивидов и встречает в них нравственное сочувствие и поддержку. Без этой поддержки право превращается в мертвую букву, лишенную жизненного значения, или в тяжелое бремя, сносимое против воли. С другой стороны, из этой естественной связи права с нравственностью вытекает их постоянное взаимодействие, одним из проявлений которого служит нравственная критика правовых норм [12, с. 7–8].

Выдающийся религиозный философ, ученик П. И. Новгородцева и Е. Н. Трубецкого И. А. Ильин в своих трудах «Понятие права и силы: опыт методологического анализа», «Учение о правосознании», «О сопротивлении злу силой» и других указывает, что право согласуется с требованиями морали и является для нее поддержкой, а мораль, со своей

стороны, служа для права высшим мерилom и руководителем, придает правовым велениям глубокое значение и обязательную силу.

В отличие от греков и римлян, считавших ведущим элементом нравственности справедливость, русские философы обращаются также к доброте, жалости и любви. Так, например, по мнению известного государствоведа С. А. Котляревского, уголовные наказания демонстрируют формальное бездушие закона и, более того, морально закамуфлированную государственно-организованную месть. Проявление любви и жалости к преступнику, напротив, стимулирует, развивает в обществе высшую духовность. По Котляревскому «правовое государство играло роль идеального задания, а его принципы (справедливость, законность) — путеводных звезд, которым должно было следовать человечество в поисках права справедливости» [13, с. 415].

В. М. Гессен считает, что право и мораль — это ветви одного ствола, корень которого — этическое сознание долга. «Категоричность императивов права сознается не всеми. Карательные санкции его норм существуют для тех, кто повинуется праву как силе. Для тех, кто повинуется праву как праву, никакая угроза не нужна» [14, с. 333]. По мнению П. Г. Виноградова, «право не может быть оторвано от морали, поскольку оно содержит как один из своих элементов понятие правильности, которому соответствует моральное начало — справедливость», поэтому «в каждой системе права должно существовать извечное равновесие между справедливостью и силой. А из этого следует, что определение права не может быть основано исключительно на понятии государственного принуждения» [15, с. 26].

Таким образом, в русской философии права во второй половине XIX — начале XX вв. сложилась особая традиция рассмотрения проблемы соотношения права и морали. Главное направление в ее решении составляло признание их органической взаимосвязи и взаимозависимости [16, с. 528]. В целом для русской культуры характерно более мощное, нежели для европейской традиции, стремление в сторону как морального оправдания права, так и морального оправдания закона. Так, например, даже в современных «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» отмечено, что право содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательный для всех членов общества.

В XX в. вопросами нравственно-правовой проблематики занимались представители различных правовых школ, в том числе Г. Харт (аналитическая юриспруденция), Р. Дворкин (возрожденное естественное право), Л. Дюги (солидаризм), Е. Эрлих (свободное судейское усмотрение), Л. И. Петражицкий (психологическая теория права) и др.

По Г. Харту слияние морали и права губительно для правовой системы. Не морально-этические обоснования делают закон таковым, а соблюдение установленных процедур его принятия. При их соблюдении закон становится законом независимо от его морально-этического содержания. Для того чтобы нормы обрели характер правовых, необходимо, чтобы власть была легитимна, а процедуры, необходимые для принятия закона, соблюдались.

Американский мыслитель Р. Дворкин, в отличие от Г. Харта, считает, что необходимо оценивать конституционные ценности сквозь призму нравственных ценностей, прежде всего справедливости. Он исходит из того, что право и мораль (общественная мораль) тесно связаны между собой. По его мнению, право нравственно, если существует практика обсуждения принципов и законов. Судья, полагает Р. Дворкин, при вынесении решения исходит из морально-этического и политического понимания справедливости. В противовес Г. Кельзену, предлагавшему очистить право от влияния каких бы то ни было ценностей (в том числе нравственных), Р. Дворкин говорит о влиянии нравственности и иных ценностей на право.

В период становления советской государственности утверждается марксистский тезис о том, что без государства и его принудительного аппарата права не существует. Право и нравственность по Г. В. Плеханову непосредственно связаны со способом

производства, с производственными отношениями и выражают интересы классов [17, с. 159–160]. По В. И. Ленину «...наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата» [18, с. 309]. Таким образом, право объявляется продуктом исключительно государственной деятельности. В интерпретации академика А. Я. Вышинского, выступившего на Всесоюзном совещании юристов в 1938 г., право — это система установленных или санкционированных государством формально-определенных, общеобязательных норм, выражающих волю экономически господствующего класса, которые выступают в качестве классового регулятора общественных отношений. Данное правовопонимание в советской доктрине было господствующим вплоть до 80-х гг. XX в. В науке утверждается также постулат о слиянии социалистического права и коммунистической морали. В связи с этим все научные теории должны были помещаться в это прокрустово ложе, что порождало появление формального подхода к рассмотрению соотношения права и морали.

Во второй половине XX в. расширяется тематика нравственно-правовых исследований. Несмотря на сильное идеологическое влияние, в праве формулируются положения, созвучные идеям античных мыслителей: не может существовать знание о праве, если не раскрыть его связь с нравственностью и справедливостью. Так, выдающийся российский юрист Л. С. Явич отмечает, что самый «желательный для законодателя вариант имеет место в тех случаях, когда право одновременно отвечает моральным и научным требованиям» [18, с. 66]. По Л. С. Явичу положительное право в первую очередь должно основываться на принципе законности как наиболее прямом юридическом выражении этической категории справедливости. Академик В. С. Нерсисянц, обращаясь к вопросу соотношения права и морали, указывает, что «право и мораль совпадают или близки, ибо правовые нормы обладают не одной внешней принудительностью, опираются не только на систему наказаний, но представляют собой императивы, имеющие также и нравственное, и религиозное содержание» [19, с. 21].

В постсоветский период пробуждается интерес к проблеме соотношения права и морали, ею начинают заниматься представители различных направлений гуманитарного знания, прежде всего праведы, философы и др. Так, Е. А. Лукашева обращает внимание на органическую необходимость морального измерения права: «Тесная связь правовых и моральных норм наиболее убедительно проявляется в том, что мораль выступает в качестве ценностного критерия права. Оценка правовых систем в категориях морали — один из важнейших аксиологических критериев права» [20, с. 17].

Несомненно, свобода, справедливость, равенство находятся в зоне пересечения права и морали. Они вносят нравственный элемент в право, представляют собой критерии оценки действующего права. Несправедливая правовая норма не может быть легитимной и эффективной, не может регулировать общественные отношения в направлении их оптимального состояния. Однако если нравственность ставит ударение на долг и внутреннюю установку поступать в соответствии с интересами других во имя добра, то справедливость ищет баланс между правом и долгом, защищая позицию отдельной личности. Справедливость и право функционируют как единое целое, несмотря на то, что право не является источником и причиной справедливости, но оно немислимо без нее. По мнению А. А. Гусейнова, допустимая общественно приемлемая мера расхождения между правом и моралью — величина подвижная, которая меняется от эпохи к эпохе, от народа к народу, от поколения к поколению, от государства к государству [21, с. 7–23].

Таким образом, вопросы соотношения права и морали интересовали философов, праведов, моралистов и др. во все времена. Античные мыслители открывают первый этап длительной эволюции воззрений на данный вопрос. Их формула *Jus est ars boni et aequi* (право есть искусство добра и справедливости) демонстрирует понимание взаимозависимости права и морали. Однако они уже начинают различать (по-своему) наличие сферы права и сферы морали. В период Средневековья толкование соотношения права

и морали приобретает ярко выраженный религиозный характер. В схоластических учениях право представляет собой сферу правды и справедливости. В то же время схоластами делается попытка развести право (закон) и мораль (нравственность). Знаменитые мыслители Нового времени в своих трудах обращаются к нравственным началам права. Для русской культуры характерно более мощное, нежели для европейской традиции, стремление в сторону морального оправдания права и закона. Вопросы соотношения и взаимодействия права и морали по-разному решались представителями различных правовых школ. Марксистское (классовое) понимание права и морали исходит из того, что они представляют собой надстройку над экономическим базисом общества. Тем не менее уже в этот период в праве формулируются положения, созвучные идеям античных мыслителей о связи права и нравственности (справедливости). В постсоветский период интерес к нравственно-правовой проблематике возрастает, что находит свое воплощение в появлении ряда серьезных работ по проблемным аспектам данной темы.

Анализ эволюции взглядов на право и мораль (нравственность) на разных исторических этапах свидетельствует (несмотря на непоследовательность) об их определенной преемственности. Переосмысление соотношения права и морали сегодня приводит к пониманию того, что право цивилизованного общества должно, несомненно, отвечать требованиям морали и нравственности. Более того, внутренняя моральность права — одно из важнейших условий его эффективности. В настоящее время просто невозможно представить право независимым от нравственности. Более того, укрепление нравственных основ права поднимет его авторитет в будущем на небывалую высоту.

Источники

1. *Аристотель*. Никомахова этика / Аристотель // Сочинения : в 4 т. — М. : Мысль, 1984. — Т. 4. — 832 с.
Aristotle. Nikomakhova ethics / Aristotle // Writings : in 4 vol. — Moscow : Mysl, 1984. — Vol. 4. — 832 p.
2. *Лившиц, Р. З.* Современная теория права: краткий очерк / Р. З. Лившиц. — М. : Ин-т государства и права РАН, 1992. — 92 с.
Livshits, R. Z. Modern theory of law: a brief outline / R. Z. Livshits. — Moscow : The Inst. of State and Law of the Russ. Acad. of Sciences, 1992. — 92 p.
3. *Лихачева, Л. С.* Мораль / Л. С. Лихачева // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Академ. Проект, 2004. — С. 408–409.
Likhacheva, L. S. Moral / L. S. Likhachev // Modern philosophical dictionary / under the gen. ed. of V. E. Kemerova. — 3rd ed., rev. and add. — Moscow : Acad. Project, 2004. — P. 408–409.
4. *Спиноза, Б.* Сочинения : в 2 т. / Б. Спиноза. — СПб. : Наука, 1999. — Т. 2. — 630 с.
Spinoza, B. Writings : in 2 vol. / B. Spinoza. — St Petersburg : Nauka, 1999. — Vol. 2. — 630 p.
5. *Кант, И.* Метафизика нравов : в 8 т. / И. Кант. — М. : Знание, 1967. — Т. 4, ч. 2. — 343 с.
Kant, I. Metaphysics of morals : in 8 vol. / I. Kant. — Moscow : Knowledge, 1967. — Vol. 4, pt. 2. — 343 p.
6. *Монтескье, Ш.* О духе законов. Избранные произведения / Ш. Монтескье. — М. : Мысль, 1999. — 672 с.
Montesquieu, Ch. On the spirit of laws. Selected works / Ch. Montesquieu. — Moscow : Mysl, 1999. — 672 p.
7. *Гегель, Г.* Философия права / Г. Гегель. — М. : Мысль, 1990. — 524 с.
Hegel, G. Philosophy of law / G. Hegel. — Moscow : Mysl, 1990. — 524 p.
8. *Соловьев, В. С.* Оправдание добра / В. С. Соловьев. — 2-е изд., доп. и испр. — М. : Рудомино, 1899. — 615 с.
Soloviev, V. S. Justification of Good / V. S. Soloviev. — 2nd ed., add. and rev. — Moscow : Rudomino, 1899. — 615 p.
9. *Станишевская, Л. П.* Проблемы соотношения права, морали и нравственного идеала в русской философско-правовой мысли / Л. П. Станишевская, Л. В. Грищенко // Ипокрена. — 2011. — № 1–2. — С. 168–177.

Stanishevskaya, L. P. Problems of the Correlation of Law, Morality and the Moral Ideal in Russian Philosophical and Legal Thought / L. V. Stanishevskaya, L. V. Grishchenko // *Ipokrena*. — 2011. — № 1–2. — P. 168–177.

10. *Трубецкой, Е. Н.* Труды по философии права / Е. Н. Трубецкой. — СПб. : РХГИ, 2001. — 543 с.

Trubetsky, E. N. Proceedings on the philosophy of law / E. N. Trubetsky. — St Petersburg : RHGI, 2001. — 543 p.

11. *Чичерин, Б. Н.* Философия права / Б. Н. Чичерин. — СПб. : Наука, 1998. — 646 с.

Chicherin, B. N. Philosophy of law / B. N. Chicherin. — St Petersburg : Nauka, 1998. — 646 p.

12. *Новгородцев, П. И.* Историческая школа юристов / П. И. Новгородцев. — СПб. : Лань, 1999. — 188 с.

Novgorodtsev, P. I. Historical school of lawyers / P. I. Novgorodtsev. — St Petersburg : Lan, 1999. — 188 p.

13. *Котляревский, С. А.* Власть и право. Проблема правового государства / С. А. Котляревский. — М. : Изд-во Г. А. Лемана, С. И. Сахарова, 1915. — 417 с.

Kotlyarevsky, S. A. Power and Law. The problem of the rule of law / S. A. Kotlyarevsky. — Moscow : Publ. house of G. A. Lehman, S. I. Sakharov, 1915. — 417 p.

14. *Гессен, В. М.* Исключительное положение / В. М. Гессен. — СПб. : Право, 1908. — 410 с.

Gessen, V. M. Exceptional position / V. M. Gessen. — St Petersburg : Pravo, 1908. — 410 p.

15. *Виноградов, П. Г.* Очерки по теории права / П. Г. Виноградов. — М. : Изд-во «А. А. Левенсон», 1915. — 155 с.

Vinogradov, P. G. Essays on the theory of law / P. G. Vinogradov. — Moscow : Publ. house «A. A. Levenson», 1915. — 155 p.

16. *Станишевская, Л. П.* О праве, морали и нравственном идеале в русской философско-правовой мысли / Л. П. Станишевская // Науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: В. Н. Шимов (пред.) [и др.]. — Минск, 2010. — Вып. 3. — С. 522–529.

Stanishevskaya, L. P. On law, morality and moral ideal in Russian philosophical and legal thought / L. P. Stanishevskaya // *Sci. works / Belarus State Econ. Univ.* ; ed. board: V. N. Shimov (chairman) [et al.]. — Minsk, 2010. — Iss. 3. — P. 522–529.

17. *Плеханов, Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю / Г. В. Плеханов. — М. : Госполитиздат, 1949. — С. 159–160.

Plekhanov, G. V. On the development of a monistic view of history / G. V. Plekhanov. — Moscow : Gospolitizdat, 1949. — P. 159–160.

18. *Ленин, В. И.* Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 41. — М. : Госполитиздат, 1981. — С. 298–318.

Lenin, V. I. Tasks of youth unions (Speech at the III All-Russian Congress of the Russian Communist Youth Union on October 2, 1920) / V. I. Lenin // *Complete Works*. 5th ed. Vol. 41. — Moscow : Gospolitizdat, 1981. — P. 298–318.

19. *Явич, Л. С.* Общая теория права / Л. С. Явич. — Л. : Ленинград. ун-т, 1976. — 287 с.

Yavich, L. S. General theory of law / L. S. Yavich. — Leningrad : Leningrad Univ., 1976. — 287 p.

20. *Нерсесянц, В. С.* Право в системе социальной регуляции / В. С. Нерсесянц. — М. : Знание, 1986. — 64 с.

Nersesyants, V. S. Law in the system of social regulation / V. S. Nersesyants. — Moscow : Knowledge, 1986. — 64 p.

21. *Лукашева, Е. А.* Взаимодействие права и морали: общее и особенное / Е. А. Лукашева // Взаимодействие права и морали : материалы междунар. науч. конф. / Моск. гуманитар. ун-т ; отв. ред. Т. А. Сошникова. — М., 2014. — С. 11–17.

Lukasheva, E. A. Interaction of law and morality: general and special / E. A. Lukasheva // *Interaction of law and morality : materials of the intern. sci. conf.* / Moscow Humanitarian Univ. ; resp. ed. T. A. Soshnikova. — Moscow, 2014. — P. 11–17.

22. *Гусейнов, А. А.* Мораль и право: линия разграничения / А. А. Гусейнов // *Lex Russika*. — 2018. — № 8. — С. 7–23.

Guseynov, A. A. Morality and law: the line of demarcation / A. A. Guseynov // *Lex Russika*. — 2018. — № 8. — P. 7–23.

Статья поступила в редакцию 10.12.2021 г.